

Петр Толочко

Поход русских на половцев 1111 года

Подробный рассказ об этом походе содержится в статье 1111 г. *Ипатьевской летописи*¹. Он представляет большой интерес для исследователей исторической письменности на Руси, в частности, для определения числа редакций *Повести временных лет*, но интересен также и для специалистов в области древнерусского военного дела.

Для А.А. Шахматова летописная статья 1111 г. являлась одним из существенных аргументов в пользу гипотезы о третьей редакции *ПВЛ*.

Как известно, текстологическая проблема, приведшая А.А. Шахматова к формулированию гипотезы о трех редакциях *Повести временных лет*, состоит в том, что в *Лаврентьевской летописи* текст *ПВЛ* заканчивается (под 1110 г.) рассказом о явлении огненного столпа в Печерском монастыре. Непосредственно вслед за этим читается (датированная 1116 г.) приписка Сильвестра о завершении им летописи. В самом конце рассказа о чуде в Печерском монастыре сделана отсылка к будущему походу 1111 г. («тако и се явленье нѣкоторое показываше . е муже бо быти [еже] и бы^ѣ . на . в̄ . е бо лѣ^ѣ не се ли а^нглъ вождь бы^ѣ . на иноплеменники . и супостаты»²), описания которого, однако, не находим. Напротив, в *Ипатьевской летописи* рассуждение о чуде продолжено, указана его точная дата («зънаменьє се бы^ѣ . м^ѣца феврала . въ . а^н . днѣ . исходаше сему лѣту . й^и»³), за которой следует статья 1111 г. с подробнейшим описанием обещанного события — похода на половцев. Как толковать это обстоятельство? Принадлежало ли *Ипатьевское* продолжение (то есть, окончание статьи 1110 и статья 1111 г.) к изначальному тексту *ПВЛ*, или же она оканчивалась на статье 1110 г., как в *Лаврентьевской летописи*? А.А. Шахматов предположил существование трех редакций *ПВЛ*: «Несторовой» (утраченной), «Сильвестровской» (отраженной в *Лаврентьевской летописи*) и «редактора 1118 г.» (отраженной в *Ипатьевской летописи*). Между этими тремя редакциями он и распределил тексты.

---

1 ПСРЛ 2: 264–273.

2 ПСРЛ 1: 285.

3 ПСРЛ 2: 264.

Согласно А.А. Шахматову, рассказ о походе в степь «не читался в Сильвестровской редакции и появился только в редакции 1118 г.»⁴ Из высказывания не ясно, почему «не читался». То ли потому, что Сильвестр опустил его сознательно, то ли потому, что в летописи Нестора этого рассказа еще не было. Из замечания, сделанного немногим ранее, как будто, следует первое:

Повесть временных лет по Сильвестровской или по иной более древней редакции нашла себе непосредственное продолжение в упомянутых благочестивых рассуждениях [...] Поход описан весьма подробно, очевидно, ближайшим современником [...] Следовательно, Повесть временных лет нашла себе продолжение в десятках годах XII столетия⁵.

Кто был этим таинственным продолжателем *ПВЛ*, А.А. Шахматов не уточнил. Сказал только, что рассказ о походе 1111 года составлен несомненно лицом близким к Мономаху, которому приписывается и сам почин этого похода⁶.

В процессе дальнейших рассуждений А.А. Шахматов пришел к выводу, что рассказ о походе 1111 г. таки содержался в первой редакции *ПВЛ*, но был опущен Сильвестром, очевидно, потому, что «Нестор приписывал Святополку и почин этого похода, и всю его славу»⁷. От такой констатации, казалось, оставался только шаг до утверждения, что в третьей редакции этот Несторов рассказ был восстановлен. Но А.А. Шахматов его не сделал. Наоборот, пришел к выводу, что в связи с сокращениями Сильвестра «открылась возможность уже для составителя третьей редакции рассказать о славном походе и связать его с чудесным знаменем над Печерским монастырем»⁸. Принадлежат ли ему только сюжеты о знамени или и весь рассказ о походе 1111 г., А.А. Шахматов не уточнил. Итак, рассказ о походе Святополка на половцев в 1111 г. читался в «Несторовой» редакции *ПВЛ*, затем по идеологическим мотивам был оттуда изъят Сильвестром, а затем написан заново — уже как предприятие Мономаха — редактором 1118 г., дописавшим заодно и окончание статьи 1110 г. о чуде с огненным столпом.

Разумеется, могло быть и так. Вот только подтвердить это нечем. Поиск более позднего автора статьи 1111 г., предложенный А.А. Шахматовым со столь сложной системой догадок, имел бы смысл, если бы оказалось, что первая редакция *ПВЛ* была выполнена еще до похода 1111 г. и ее автор не мог знать о нем. Но сам же А.А. Шахматов утверждал, что Несторова летопись была доведена до 1111 г. и около того же года составлена. В другом месте предложил и более точную дату — 25 января 1112 г. Следовательно, автор

4 Шахматов А.А. *Повесть временных лет*. Пг., 1916, 9.

5 Шахматов А.А. *Повесть временных лет*, 3.

6 Шахматов А.А. *Повесть временных лет*, 4.

7 Шахматов А.А. *Повесть временных лет*, 37.

8 Шахматов А.А. *Повесть временных лет*, 37.

первой редакции *ПВЛ* имел полную информацию и о самом походе, и о знамении в Печерском монастыре, ему предшествовавшем. И если мы внимательно соотнесем тексты летописных статей 1110 и 1111 годов, то обнаружится, что они принадлежат одному автору. Убедительное свидетельство этому — тема печерского знамения или явления ангела.

В 1110 г. он в виде огненного столба явился над Печерским монастырем («се же баше не вгнь . но видь ан҃гльскыи»), а в 1111 г. помог русским полкам одержать блестящую победу над половцами («падаху Половци предъ полкомъ Володимировомъ . невидимо бьемы ан҃гльмь . яко се видаху . мнози чл҃вци . и главы летаху невидимо стинаемы на землю»)⁹. В статье 1110 г. летописец уже предвидел и сам победоносный поход «на второе лето», и даже то, что его описание будет апеллировать к чуду в Печерском монастыре.

Гипотеза А.А. Шахматова, как мы знаем, не была встречена единодушным одобрением. Исследователя критиковали за манеру основывать текстологические выводы на предполагаемом знании о (предполагаемых) политических пристрастиях летописцев, за распределение ролей между Нестором и Сильвестром¹⁰, за переусложненность сценария при возможности более простого и естественного объяснения¹¹. Словом, никаких обязательных причин полагать, будто статьи 1110 и 1111 гг., и притом в их полном объеме, не читались в изначальном тексте *ПВЛ* нет.

Согласно летописцу, мысль о походе была будто бы вложена в сердце Мономаха самим богом, однако его реализация зависела от согласия киевского князя Святополка Изяславича. Поход замышлялся грандиозный, оттого и обсуждался не просто. В нем должны были принять участие многие князья,

9 ПСРЛ 2: 261, 267–268.

10 См., например, замечания В.М. Истрина:

Нет никакой нужды видеть здесь проявление и влияние различных противоположных симпатий и антипатий, и в них видеть причину появления различных редакций «Повести». Симпатии и антипатии, конечно, могли обнаруживаться у авторов летописания, но это обнаружение происходило произвольно, не будучи ни в каком случае преднамеренным [...] Да и вообще можно, кажется, думать, что наши летописцы были правдивее, нежели можно вывести из предложенного Шахматовым рассуждения: придумать целую историю на глазах у всех, можно утверждать, они бы не решились [...] Итак, данное доказательство о существовании 2-й ред. «Повести» 1118 г. связывается с вопросом другого рода, а именно с распределением ролей между Нестором и Сильвестром. Если представить себе их взаимоотношения в другом виде, нежели какое рисует Шахматов, то данное доказательство о составлении 2-й ред. «Повести», в которой де появились статьи 1110–1111 гг., должно будет оставлено.

(Истрин В.М. *Замечания о начале русского летописания*. Л., 1924 (Отд. отт. из *Известия Отделения Русского языка и словесности РАН*. т. XXVII, 230, 235, 238).

11 Так, например, Д.С. Лихачев, Л. Мюллер, А. Тимберлейк и другие считали, что статьи 1110 и 1111 гг. в полном объеме читались уже в рукописи Сильвестра, но были впоследствии утрачены в связи с потерей последних листов (см.: *Повесть временных лет*. Ч. 2 М., Л., 1950, 543; Мюллер Л. *Понять Россию: Историко-культурное наследие*. М., 2000, 167–168; Alan Timberlake, “Redactions of the Primary Chronicle,” *Русский язык в научном освещении*. 2000, № 1, 209–210). См. обзор мнений: Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет. Ч. II. *Славяноведение*. 2008, № 2, 15–16.

а обязать их к этому мог только киевский князь как глава клана. Если отношения Святополка и Мономаха изображены как, хотя и неравноправные, но «братские», то положение Давида Святославича было явно подчиненным: «и посласта ко Дѣдѣ Сѣславичю велача ему съ собою»¹².

Можно думать, что и подготовка к походу потребовала немало времени. В нем приняли участие силы четырех южнорусских княжеств. По свидетельству *Ипатьевской летописи* участниками похода были восемь князей, а согласно *Лаврентьевской* их было десять. Каждый князь возглавлял полк, численность которого, судя по другим летописным свидетельствам, равнялась от тысячи до полутора тысяч воинов. Таким образом, надлежало подготовить поход более чем десятитысячной армии, снабдить ее необходимым вооружением, обозным снаряжением, поводными и товарными лошадьми, продуктами питания, фуражом и пр.

А.А. Шахматов полагал, что княжеский съезд на Долобском озере, где, собственно, и обсуждался поход в степь, состоялся около 11 февраля 1111 г. Прямых свидетельств на этот счет в летописи нет. Из косвенных (в частности, о том, что 11 февраля этого года Владимир Мономах был в Городце на Родосьни) такой точный вывод сделать невозможно. Определенно, съезд должен был состояться ранее предложенной А.А. Шахматовым даты, ибо оставшееся время до начала похода, о чем речь пойдет ниже, не могло обеспечить его качественную подготовку.

Сообщив о закреплении междукняжеского согласия целованием Владимира и Святополка («и вѣста Володимеръ и Сѣтополкъ и цѣловастаса»), летописец начинает рассказ о походе: «и пойдоста на Половцѣ . Сѣтополкъ съ сѣномъ . Ярославъ и Володимеръ съ сынми . и Дѣдъ со сыномъ»¹³. Откуда «пойдоста», летописец не уточнил (хотя по содержанию получалось бы — прямо со съезда на Долобском озере). Учитывая, что инициатором этого похода являлся Владимир Мономах, можно думать, что местом сбора объединенных русских дружин был назначен Переяслав¹⁴.

И, тем не менее, вряд ли приходится сомневаться, что главной отправной точкой похода был Киев. В пользу этого свидетельствует то, что первым в перечне князей, выступивших в поход, назван великий киевский князь Святополк. Поход этот определенно был освящен в Печерском монастыре, как это имело место с другими аналогичными походами: «такъ бо вѣбчѣаи имѣаше Сѣтополкъ . коли идаше на воину . или инамо . коли поклонивъса оу гроба Ѡвдосѣва . и мѣтву вземъ оу игумена ту сушаго . тоже идаше на пуѣ свои»¹⁵.

12 ПСРЛ 2: 265.

13 ПСРЛ 2: 265–266.

14 Именно Переяславль называет Л.Е. Махновец в своей достаточно вольной реконструкции статьи 1111 г., хотя летописных подтверждений это и не имеет (Махновец Л.Е. *Летопись Русьский*. К., 1989, 166).

15 ПСРЛ 1: 282.

Начало похода, согласно летописцу, пришлось на второе воскресенье великого поста: «и поидоша . въ . в̄ . недѣлю поста». Каким маршрутом следовали войска, из летописи не видно. Судя по тому, что конечной точкой похода были половецкие города Шарукань и Сугров, а также река Салница, можно предполагать, что, в пределах Руси, маршрут пролегал по Переяславскому княжеству. На шестой день пути русские дружины вышли на реку Сулу: «а в патокъ быша на Суль»¹⁶. Где на Суле, в летописи не сказано, но можно полагать, что это был район города Лубны. По этому маршруту русские князья, практически в том же составе, уже ходили на половцев в 1107 г.: «идоша на Половць . къ Лубьну»¹⁷. Там они нанесли кочевникам сокрушительное поражение и, очевидно, надеялись повторить свой успех в 1111 г. Если идти не по прямой (а так никогда и не ходили), но от одного населенного пункта к другому, то общее расстояние от Киева до Сулы будет равняться около 200 км. Учитывая, что в пути княжеские дружины были 5–6 дней, ежедневный переход составлял 35–40 км.

От Сулы русские пошли к реке Хорол. Расстояние немногим более 40 км они преодолели за один день «в субботу поидоша и быша на Хоролѣ»¹⁸. Замечание летописца: «ту и сани пометаша» свидетельствует о том, что до Хорола войска шли по санному пути. Здесь они определенно заменили сани на везы. Из данного текста это не следует, но в других подобных случаях об этом говорится вполне определенно. Рассказывая о походе великого киевского князя Всеволода на Володимерка Галицкого в 1146 г., летописец отметил: «и бы^с дождь и стече снѣгъ Бѣимъ промысломъ . и тако идахоу на колыхъ и на санехъ»¹⁹.

Следующий переход от Хорола до Псла, равнявшийся 30–35 км, был осуществлен в один день, в первое крестоцеловальное воскресенье: «а в недѣлю поидоша в нюже хрестъ цѣлюють и приидоша на Псль»²⁰. Здесь, на небольшом притоке Псла Голтве, войска стали лагерем. К этому времени они определенно нуждались в более длительном отдыхе. Но причиной дневного стояния на Голтве было и то, что какая-то часть войска, по-видимому, пешие вои и обоз, отстали от передовых сил («и ѿтуди сташа на рѣцѣ Голтѣ . ту пождаша и вои») (см. рисунок).

От Голтвы русские полки пошли к Ворскле. Судя по тому, что в среду утром они уже достигли ее, продолжили свой поход во вторник. В пользу этого свидетельствует небольшое расстояние между названными реками — немногим более 40 км. К какому населенному пункту пришли войска, не сказано. Можно лишь предположить, что это была Лтава. В летописи этот

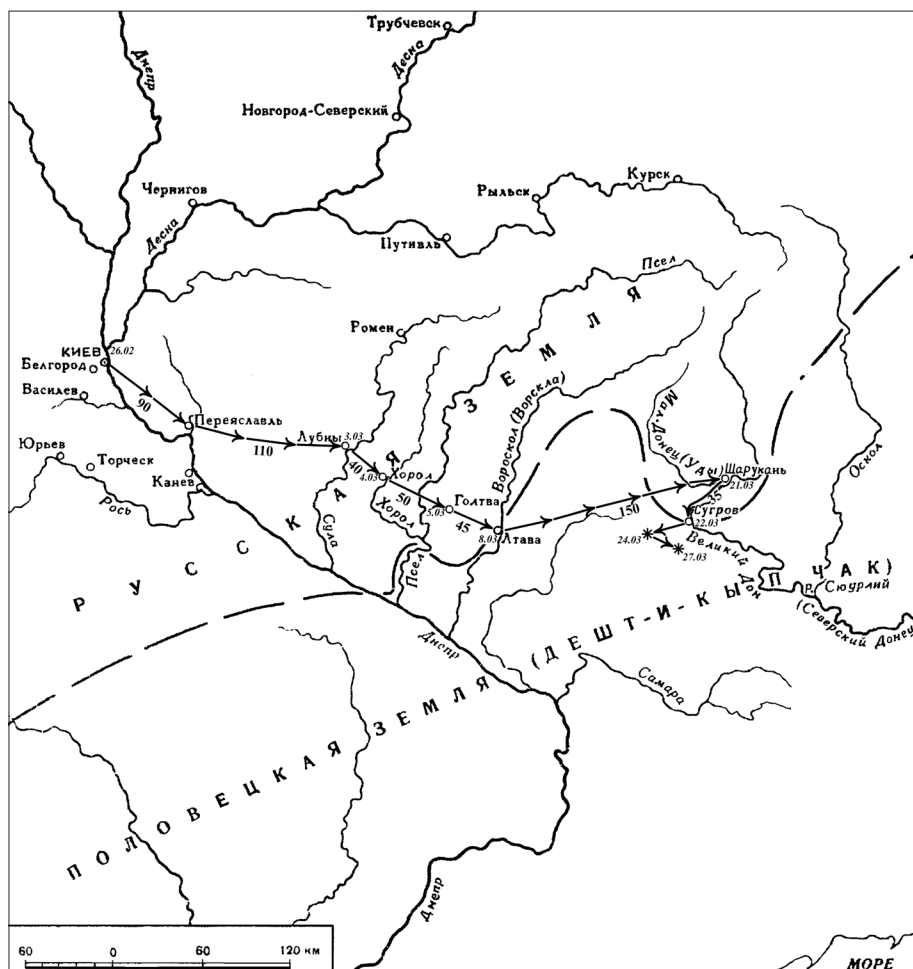
16 ПСРЛ 2: 266.

17 ПСРЛ 2: 258.

18 ПСРЛ 2: 266.

19 ПСРЛ 2: 319.

20 ПСРЛ 2: 266.

Маршрут войск в походе 1111 г.

центр упомянут один раз в статье 1174 г., однако археологические раскопки современной Полтавы свидетельствуют, что древнерусские ее слои датируются уже XI в.

Примечательно, что упоминание Лтавы находится в рассказе о походе Игоря Святославича на половцев. Нарядив свои полки в поле за Ворсклой и узнав, что основные силы половцев ушли к Переяславлю, Игорь, после небольших стычек с оставшимися, повел свои дружины также к Переяславлю («Игорь же слышавъ то поѣха противу Половцемъ . и переѣха Вѣрсколь оу Лтавы»)²¹.

21 ПСРЛ 2: 568–569.

Из свидетельства летописной статьи 1174 г., таким образом, видно, что путь от Переяславля до Лтавы был наезженным и хорошо знакомым не только русским, но и половцам. Видимо, уже с конца XI — начала XII вв. Ворскла рассматривалась русскими, как своя река, на которой строились русские же крепости. Археологически вдоль ее правого берега обнаружена целая система укрепленных поселений, в которой насчитывается не менее десяти городищ, культурные слои которых содержат древнерусские материалы XI–XIII вв.

За Ворсклой начиналась Половецкая земля. Не случайно, в исследуемом рассказе выход за эту межу изображен с определенной тревогой. Русские исполнили обряд крестоцелования и попросили молитвенно божьей помощи: «ту же завѣтра въ среду хрестъ цѣловаша . и възложиша всю свою надежду на хрестъ . со многими слезами»²².

Далее войска пошли к Северскому Донцу, Дону по летописной терминологии. Путь по чужой земле был более кратким, чем тот, что они прошли по своей, но занял едва ли не больше времени: «и ѿтуда приидоша многи рѣки. въ . ѿ . недѣль поста . и поидоша к Донови въ вторникъ»²³. Особого удивления это обстоятельство не должно вызывать, поскольку передвижение по степи было сопряжено с постоянной опасностью внезапного нападения половцев. Не исключено, что более длительными были и остановки на отдых.

Во вторник шестой недели поста полки подошли к половецким городам Шаруканю и Сугрову. Намереваясь штурмовать первый из этих городов, они облачились в боевые доспехи. В художественных изображениях походов, особенно в кинематографических, дружины выступают из города в кольчугах, панцирях, шлемах, увешанные мечами, луками и колчанами. Иногда с таким представлением можно встретиться и в исторических исследованиях. В реальной жизни эти сцены выглядели прозаичнее. Разумеется, какой-то минимум вооружения дружинники имели при себе, но все тяжелое, а также доспехи — всегда следовали за войском в обозе. Да и сами они к месту сражения следовали на возах или санях и только накануне битвы облачались в доспехи и пересаживались на боевых коней.

Описывая конфликт владими́ро-суздальских князей с новгородскими, псковскими и смоленскими в 1216 г., летописец записал: «а сами поидоша по Волзѣ внизъ . и тѣ пометаша возы на коні полѣзоша»²⁴. Владимир Мономах в своей летописи путей рассказывает об одном любопытном случае. Во время похода 1085 г. Мономаху неожиданно встретились у города Прилуки половцы. Было их 8 тысяч и тот факт, что он намеревался вступить с ними в сражение, свидетельствует, что и дружина Мономаха была не меньшей. Но сражения так и не произошло, поскольку у русских дружинников не было

---

22 ПСРЛ 2: 266.

23 ПСРЛ 2: 266.

24 ПСРЛ 1: 493.

оружия: «и ходихо^м за Супои . и ѿдучи к Прилуку городу . и срѣтоша ны внезапно Половечьскыѣ князи . ѿ . тьсаць . и хотѣхо^м с ними ради битиса . но оружье бахомъ оуслали напередь на повозѣхъ . и внидохо^м в городъ»²⁵.

Чем объяснить, что в этом случае оружие на «повозѣхъ» было отправлено впереди войска и где оно было в момент встречи с половцами, сказать трудно. Во всех других — обозы находились в арьергарде военного похода. Нередко, именно они и являлись объектами главного удара. Так было, в частности, во время военной кампании 1151 г., когда Юрий Долгорукий со своими союзниками Владимиром Галицким и черниговскими князьями пытался выбить из Киева Изяслава Мстиславича. На речке Руте, что южнее города Васильева (нынешнего Василькова), киевские дружины вместе с черными клобуками настигли арьергард войска Юрия Долгорукого и ударили по нему: «и тако начаша наѣздити . в задъ полковъ стрѣлатиса с ними и почаша оу ни^{хъ} возы ѿимати»²⁶.

В сражении под Киевом 1162 г. союзные князьям Мстиславу Изяславичу, Рюрику Ростиславичу, Владимиру Андреевичу торки захватили на речке Желяни возы, принадлежавшие дружинам Изяслава Давыдовича, оборонявшим столицу Руси. В рассказе летописца о военном походе князей 1169 г. на половцев возы упомянуты в качестве важного трофея русских: «Половци побѣгли . и лишившеса женъ своихъ . и возъ своихъ . и поѣхаша вборзѣ по ни^{хъ} а Ёрослава Всеволодича вставиша за собою оу возъ»²⁷.

В преддверии битвы на Колокше 1177 г. Всеволод Юрьевич направил свой обоз на ту сторону реки, где находился его соперник князь Глеб Рязанский с союзными ему половцами: «и пусти возы на ту сторону рѣкы идеже Глѣбъ стояше». Почему он так поступил, сказать сложно, но вскоре из-за этих возов разыгралось настоящее сражение. Для их захвата Глеб послал полк Мстислава Ростиславича, а Всеволод для защиты отрядил племянника Владимира с переяславской дружиной: «Глѣбъ же нареди полкъ со Мстиславомъ с Ростиславичемъ на возы . князь же Всеволодъ посла сновца своего Володимера с Переяславци . и нѣколикю дружины с ни^{ми} . кдѣ возы стоахуть противу Мстиславу»²⁸.

Однако, пора, как говорили летописцы, и на переднее вернуться. Изготовившись к бою — «вболочишаса во бронѣ . и полки израдиша», русские дружины пошли к Шаруканю²⁹. Очевидно, рассчитывали брать город приступом. Владимир приказал впереди полков ехать священникам и петь: «пѣти

25 ПСРЛ 1: 248.

26 ПСРЛ 2: 436.

27 ПСРЛ 2: 539–540. Стремительный поход, набег, летописцы определяли как «без возов»: «В лѣтѣ . ѿсѣ . . . ѿ . че . Сдоумавъ князь Стославъ . со сватомъ своимъ Рюрикомъ . поити на Половцѣ . в борзѣ изъездомъ . повѣдахоуть бо имъ Половци . близъ на Татинци . на Днѣпрѣскомъ бродѣ . и схаша изъездомъ . безъ возъ» (ПСРЛ 2: 652).

28 ПСРЛ 1: 384.

29 Согласно ряду исследователей, этот половецкий город находился там, где ныне стоит Чугуев.

тропари . и коньдаки . хреста чѣтнаго и канунъ стои Бѣи». Приготовления эти оказались излишними, поскольку шаруканьцы, во избежание разорения города, выказали полную покорность и даже поднесли приличествующие времени «рыбы и вино». Наутро в среду полки пошли к городу Сугрову³⁰. Здесь они, судя по всему, не встретили такой покорности. Из скупого замечания летописи — «поидоша к Сугрову и пришедше зажьгоша и» — не ясно, когда город был предан огню: после его взятия или без него.

В четверг от Сугрова, войска «поидоша съ Дона». Путь их, видимо, пролег от излучины Северского Донца в степь, к правобережному половецкому юрту. Центр его, согласно Б.А. Рыбакову, находился в бассейне р. Тор³¹. Судя по тому, что уже в пятницу 24 марта произошло сражение, место его, обозначенное летописцем потоком Дегея, отстояло от правого берега Северского Донца не более чем в один дневной переход. С помощью «Ба̄ вышнаго», который «возрѣ на иноплеменники со гнѣвомъ», половцы были побеждены и, видимо, отошли дальше вглубь степи.

Отпраздновав Лазарево воскресенье и Благовещенье в субботу, в воскресенье князья поменяли диспозицию. В первый день страстной недели вновь вступили в сражение с половцами на реке Салнице. На этот раз те собрали огромные силы: «наставшю же понедѣлнику страстныа недѣли . паки иноплеменники собраша полки своя многое множество . и выступиша яко борове велиции . и тмами тмы и вступиша полки Рускыи»... [?] «и трѣсну аки громъ . сразившима челома . и брань быѣ люта межи ими . и падаху шбои», записал летописец³². Но победа и на этот раз досталась руским: «и побиша а в понедѣлникъ страстныи мѣца марта . въ . кз . днѣ . избьени быша иноплеменницѣ многое множество на рѣцѣ Салницѣ». Был взят большой полон: «скоты и кони и швцѣ и колодниковъ много . изоимаша рукама»³³.

Рассказ о «лютой брани» на Салнице и блестящей победе летописец сопровождал рассуждениями о том, кто помог руским ее одержать. Это все те же ангелы, посланные богом. По существу, здесь продолжается тема статьи предыдущего (1110) года. Летописец повторяет пассаж об огненном столбе над Печерским монастырем и непосредственно увязывает это знамение с достигнутой победой. Причем, она была фактически предсказана в тех благочестивых рассуждениях об ангелах, на которые подвигло летописца явление огненного столба. Более того, при внимательном прочтении рассуждений в статье 1110 г. трудно отказаться от мысли, что они зависимы от самой победы: «на . в̄ . е бо лѣ̄ не се ли англ̄ вожь быѣ . на иноплеменники . и супостаты»³⁴.

30 В литературе его местоположение определяется современным городом Змиевом.

31 Рыбаков Б.А. *Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о Полку Игореве»*. М., 1991, 82.

32 *ПСРЛ* 2: 267.

33 *ПСРЛ* 2: 268.

34 *ПСРЛ* 1: 285.

Еще более выразительная связь рассуждений с победой 1111 г. обнаруживается в той их части, которая содержится в *Ипатьевском списке*:

се же вѣдомо буди ꙗко въ хрестыанехъ единъ англь . но елико крѣтишася паче же къ блговѣрнымъ кнѣземъ нашимъ . но противу Бжью повеленю не могутъ противитися . но молать Ба прилѣжно за хрестыаньскыя люди ꙗкоже и быѣ млтвами стѣа Бѣа . и сѣхъ англь оумилосердиса Бѣ . и посла англы в помощь Русьскимъ княземъ на поганыа³⁵

Эта фраза не оставляет и малейшего сомнения в том, что рассказывающий о победе 1111 г. — это тот самый летописец, который описал печерское знамение.

В не так давней статье А.А. Гиппиус предпринял попытку сохранить хотя бы фрагменты построения А.А. Шахматова. Признавая, что *Ипатьевское* продолжение статьи 1110 г. и статья 1111 г. принадлежат «оригиналу ПВЛ, созданному в 1114–1116 гг.» (она же «составленная около 1115 г. ПВЛ», он же «сильвестровский текст ПВЛ»), А.А. Гиппиус, тем не менее, попытался определить в этом тексте вставки, сделанные в 1117 г. редактором «Мстиславова» экземпляра *ПВЛ* (то есть «третьей редакции» *ПВЛ* по Шахматову). Таковыми исследователь признал два обширных пассажа в статье 1111 г. Первый (чудесным образом) представляет собой *Ипатьевское* продолжение рассуждения об ангелах ровно с того места, где обрывается текст *Лавр.* (нач.: «ꙗкоже прѣркъ Двдъ . глеть . ꙗко англомъ своимъ заповѣсть ѿ тебе схранитъ та . ꙗкоже пишетъ премудрыи Епифанни [...]») и до окончания статьи 1110 г. Второй фрагмент — рассуждение об ангелах в статье 1111 г. (нач.: «тѣмъ же достойно . похволати англы . ꙗкоже Іванъ Златоустецъ рече . ибо ти творцю безначално поють . млтву»; оконч.: «ꙗко и к Моисиеви глеть . не имамъ с вами ити на путь . занеже суть людье жестокою выею . но англь мои идеть с вами»).

Основанием для исключения этих фрагментов из первоначального текста *ПВЛ* А.А. Гиппиус предлагает считать бросающийся в глаза «полемический парадоксализм, многословность и дух наивной учености», стилистически контрастирующие с «монументальной простотой» изначального текста. Если изъять указанные фрагменты из текста летописи, то она становится стройнее и лаконичнее³⁶.

35 *ПСРЛ* 2: 264.

36 В результате, исследователь достигает трехчастного построения, внешне близкого к А.А. Шахматову, но с иным распределением текстов. Описание знамения в Печерском монастыре было еще в какой-то «погодной летописи», якобы продолжавшей «Начальный свод». Затем, в 1115 г. автор *ПВЛ* истолковал его как явление ангелов, предвещавшее поход и победу, написал начало благочестивого рассуждения и описал сам этот поход под 1111 г. Еще позже, в 1117 г. следующий автор зачем-то решил испортить труд предшественника, сделав две огромные и совершенно необязательные вставки: распространил рассуждение об ангелах под 1110 г. и еще одно переместил в статью 1111 г. (Гиппиус А. А. К проблеме редакций Повести временных лет. Ч. II, 17–19).

Надо однако отметить, что якобы позднейшие «вставки» удивительно крепко впаяны в текст. Все рассуждения об ангелах — и в «оригинальном» тексте, и во «вставках» — соединены «скрепами»: цитатами из книги *Исход*. Цитатой (*Исх.* 13: 21–22) открывается в статье 1110 г. (в *Лаврентьевской* версии) рассуждение — «яко и Моиси великыи не возможе видѣти ангѣлкаго естъства . водашетъ бо ꙗ въ днь столпъ вблаченъ . а в нощи столпъ вгненъ»³⁷. Цитатой (*Исх.* 32: 34) оканчивается его продолжение в статье 1110 г. (*Ипатьевской* версии): «якоже рече к Моисѣви . се англь мои прѣдыпоидеть предъ лицомъ твоимъ . якоже рекохомъ прѣже»³⁸. Еще одной цитатой оттуда же (*Исх.* 33: 2–3) завершается второе рассуждение в статье 1111 г.: «яко и к Моисиеви глѣть . не имамъ с вами ити на путь . занеже суть людье жестокою вынью . но англь мои идеть с вами»³⁹.

Никакой композиционной стройности нельзя усмотреть в том, как «монументально просто» *Лавр.* текст обрывается на полуслове, в самом начале перечисления («якоже реꙗ англь прѣꙗ тобою прѣидеть . и [пакы] англь твои буди с тобою»⁴⁰; кстати — цитата оттуда же, *Исх.* 23: 23), находящем непосредственное продолжение в тексте *Ипат.*: «якоже прѣркъ Двѣдъ . глѣть [...] якоже пишеть премудрыи Епифани»⁴¹.

Именно в предположительно вставном фрагменте летописец позволяет себе явную отсылку к статье 1093 г. о прежних поражениях от половцев: «яко и се баше и на ны навель Бѣ грѣхъ ради нашихъ иноплеменники . поганыа . и побѣжахуть ны повелѣньемъ Бжѣимъ . вни бо баху водими ангеломъ . по повелѣнью Бжѣю», надо думать, отмщенных победой 1111 г.⁴²

Что считать «монументальной простой», а что — «наивной ученостью», конечно, дело вкуса. Например, вторая «вставка» (под 1111 г.) представляет из себя соединение двух выписок из вполне почтенных авторов: ее первая половина (от слов «тѣм же достойно . похволати англы . якоже Іѡа́нь Златоустецъ рече . ибо ти творцю безначално поють . млтву») и до слов «также и великии Епифании вѣща . коемуждо ꙗзыку англь приставленъ . и списанье бо к Данилу гла англь . и властела Елиномъ . и Михаила властела Июдѣемъ . глѣть же и постави оуставы по числу англь»), как установила Т.Л. Вилкул, представляет собой дословную выписку из *Хроники* Георгия Амартола; окончание «вставки» (до слов «и ны никого же . прашаса w сѣмъ со мною . развѣ Михаила княза вашего») является также дословной выпиской из книги пророка Даниила с

37 *ПСРЛ* 1: 284.

38 *ПСРЛ* 2: 264.

39 *ПСРЛ* 2: 273.

40 *ПСРЛ* 1: 285.

41 *ПСРЛ* 2: 262.

42 *ПСРЛ* 2: 263. Ср.: «се на ны Бѣ пусти поганыа . не милуа иꙗ . но насъ казна да быхом са востагнули ѿ злыхъ дѣлъ . симъ казнить ны . нахоженьемъ поганыхъ» (*ПСРЛ* 2: 213). В этой статье, кстати, также содержится обширнейшее отступление, состоящее из нанизанных цитат, ничем не отличающееся от «вставных» эпизодов статей 1110–1111 гг.

толкованием Ипполита Римского. Само по себе утверждение, что без означенных «вставок» обе летописные статьи выглядели бы композиционно четче, не вызывает возражений. Однако оно не может быть безусловным аргументом в пользу их позднейшего возникновения. Если редактор (работающий всего год-два спустя) мог усложнить текст обширными вставками, не видя в том угрозы потери четкости его восприятия, то на каком основании следует отказывать в этом автору? Кстати, если изъять из текста настоящей статьи это летописеведческое отступление, она также обретет большую композиционную стройность.

В летописи марш русских войск к Великому Дону (Северскому Донцу) описан по дням, однако столь подробно, что относительную его хронологию не трудно перевести в абсолютную, по числам. Из Киева войска вышли во второе воскресенье великого поста. Учитывая, что первая неделя поста завершается днем св. Федора, который приходился в тот год на 19 февраля, второе воскресенье может быть датировано 26 февраля. Пятница второй недели поста, в которую полки достигли реки Сулы, таким образом, приходилась на 3 марта. 4 марта войска вышли уже к Хоролу, а 5-го, которое пришлось на первое крестоцеловальное воскресенье, пошли к реке Псел. Летописец не отметил, когда князья пришли к этой реке, однако, принимая во внимание небольшое расстояние к ней от г. Хоролы — немногим более 30 километров, можно предположить, что это случилось в тот же день.

На реке Голтве, как замечает летописец, передовые отряды какое-то время ожидали отставших пехотинцев, а затем выступили к Ворскле. В среду третьей недели поста или 8 марта они достигли этой реки и, по-видимому, остановились на более продолжительный отдых. За Ворсклой начиналась Половецкая земля, а поэтому не случайно именно здесь русские дружинники исполнили обряд целования креста.

Как долго стояли полки на Ворскле, неизвестно. Следующую дневную дату летописец определил приходом их к Великому Дону. Точнее сказать, в район Великого Дона. Случилось это во вторник шестой недели поста, который приходился на 21 марта. Видимо, в тот же день был осажден и город Шарукань.

Далее в летописной хронологии похода имеется небольшой сбой. Сказано, что шаруканьцы вышли из города с дарами к руским «в неделю». Следовало ожидать «во вторник», поскольку именно в этот день армия вышла к Северскому Донцу («и поидоша к Донови въ вторникъ»).

В комментариях к новому изданию *Повести временных лет* его авторы предложили любопытное объяснение такому сбою⁴³. Как им кажется, он произошел от невнимательности позднейшего переписчика. Скопировав слова «к Донови въ вторникъ», переписчик будто бы не заметил, что следующий лист выпал и продолжил переписывать лицевую сторону внеочеред-

43 *Повесть временных лет*. Перевод Д.С. Лихачева и О.В. Творогова. Комментарий А.Г. Боброва, С.Л. Николаева, А.Ю. Чернова при участии А.М. Введенского и Л.В. Войтовича. СПб, 2012, 374–377.

ного листа: «и шболочишаса во бронѣ...». После этого, обнаружив, каким-то образом, выпавший лист, принялся копировать его текст с обеих сторон, от слов «и завѣтра въ среду поидоша к Сугрову». А затем стал переписывать продолжение переставленного фрагмента.

Авторы не объясняют, где находился выпавший лист оригинала, и как его удалось переписчику найти. Однако, оказывается, в такой интерпретации есть и более существенные формальные трудности. Заявив, что формат рукописного оригинала может быть определен как «малая четвертинка», но не обнаружив во вставном тексте нужного количества букв, авторы предположили, что этот фрагмент текста мог размещаться на пергаментном листе с дырами от рожек или ног, которые писцу приходилось «обходить»⁴⁴.

Весьма любопытное объяснение авторы дают и тому, почему выпавшая «четвертинка» оказалась вставлена не после целого внеочередного листа (снова не хватает строк), а только за текстом его лицевой стороны. Оказывается, оборотную сторону занимала миниатюра.

Идея, что *Ипатьевская летопись* могла содержать миниатюры, не кажется невероятной. Однако кроме миниатюры на странице обязательно должен был быть и текст, который она иллюстрировала. Хотя бы несколько строк. Сохранившиеся иллюминированные рукописи не имеют полностраничных миниатюр, не обрамленных текстом⁴⁵.

Как видим, авторы комментариев предложили сложные, и в чем-то даже экзотические, объяснения хронологического сбоя летописной статьи 1111 года. Можно согласиться, что оно этот сбой устраняет. Но ведь одновременно порождает много неустранимых смысловых противоречий.

Сравнительная таблица хронологии степной части похода
на половцев 1111 г.

	Летопись:	Комментарий:
Вторник (21 марта)	Приход «на Донь», осада города Шаруканя и ночевка у его стен	Приход «на Донь»
Среда (22 марта)	Переход к городу Сугрову и его сожжение	Переход к городу Сугрову и его сожжение

44 Дыры на пергаменте иллюминированной, по существу, парадной летописи (для которой пергамент подбирался особо тщательно), вещь совершенно невероятная. Тем более от рожек и ног. Разделка кожи в области ног никаких дырок не образовывала, а кожа головы и вовсе не шла в чинку, поскольку там были сплошные дыры.

45 Неназванные авторы «Комментариев» в этом месте вступили в полемику с А.Ю. Черновым, автором изложенной догадки, полагая, что на оборотной странице листа (3) была не миниатюра, а текст, но поскольку он продолжался и на листе (4), переписчик не стал его переписывать, а вставил перед ним выпавший лист. В противном случае ему будто не было бы места. Надо сказать, что второе объяснение несколько не убедительнее первого.

Четверг (23 марта)	Уход с «Дона» в степь.	Уход с «Дона» в степь.
Пятница (24 марта)	Сражение на потоке Дегея.	Сражение на потоке Дегея.
Суббота (25 марта)	Празднование дней Лазаревого воскресения и Благовещенья.	Празднование дней Лазаревого воскресения и Благовещенья.
Воскресенье (26 марта)	Смена диспозиции русских.	Поход к Шаруканю, осада и ночевка у его стен.
Понедельник (27 марта)	Битва на реке Салнице.	Дневной переход в степь и вечернее сражение на реке Салнице.

Как видим, по переставленному тексту меняется последовательность событий степной части похода. Получается, что придя «на Дон» (Северский Донец), русские дружины сожгли город Сугров, затем ушли в степь, где выиграли сражение с половцами на «потоке Дегея», после вновь вернулись «на Дон», чтобы овладеть городом Шаруканем, после чего вновь ушли в степь, где выиграли генеральное сражение с половцами на реке Салнице.

Поразительно, но в некоторых объяснениях авторов комментариев присутствует эффект чуть ли не личного присутствия. Особенно он заметен в объяснении битвы на Салнице. Она состоялась вечером 27 марта после дневного марш-броска вглубь степи. Это будто бы целиком отвечало ожиданиям половцев, которые сочли разумным встретить Мономаха (непонятно почему только его) не у стен неразоренного города, а после утомительного дневного марша⁴⁶.

Конечно, описанной выше картины не могло быть в природе. Выступить утром в поход, пройти 35–45 км и вступить в сражение с сильным противником «на исходе дня»⁴⁷ — дело совершенно немыслимое. Марш ведь совершал не казачий эскадрон, а многотысячное войско с пешими воинами и обозом. После такого перехода сил на «лютую брань» просто не осталось бы. Но, к счастью, такой ситуации и не было. Ни о каком марше 27 марта не сообщает и летопись. Наоборот, четко указывает, что русские поменяли диспозицию в воскресенье («и в недѣлю придоша»). В понедельник с утра они уже были атакованы половцами: «наставшу же понедѣлнику страстныа недѣли . паки иноплеменници собраша полки своя многое множество . и выступиша яко борове велиции . и тмами тмы и вступиша полкы Рускыи»⁴⁸.

46 *Повесть временных лет*. Комментарии, 376. Еще разумнее было бы встретить русских на марше, устроив засаду, но эта мысль не пришла в голову ни половцам, ни авторам «Комментариев».

47 Учитывая, что заход солнца на широте Полтавы 27 марта происходит около 18.00, а потемки, особенно в хмурые дни, наступают еще раньше, сражаться руским и половцам пришлось бы в полной темноте. Такой военной стратегии средневековые не знало. Все битвы начинались «завтра». В летописи приведен только один случай ночной битвы, состоявшейся под Лиственном в 1026 г., и тот не безусловен. Уточнение, что во время сражения «бысть тьма, молнья, и громъ, и дождь», указывает, скорее, на то, что «ночь и тьма» наступили внезапно из-за сильной грозы.

48 *ПСРЛ* 2: 267.

Переставленный текст создает, по существу, непреодолимые трудности также в локализации городов Шаруканя и Сугрова, взятие которых было одной из целей похода. Измененный порядок текста совершенно не согласуется с традиционным расположением их в бассейне среднего течения Северского Донца, а поэтому авторы комментариев предложили отказаться от такой локализации. При этом сослались на И.Г. Коновалову, которая, выразив сомнение в правильности отождествлений Б.А. Рыбакова, взамен ничего не предложила и ограничилась лишь замечанием, что упоминаемые летописью города должны были располагаться на более значительной территории, чем та, что заключена между притоками Северского Донца. По утверждению авторов комментариев Сугров находился не у Аксая (Кобяково городище), а где-то километром на сорок восточнее. Что касается Шаруканя, то его привязка к городищу, что в двух километрах от современного города Змиева, «не выдерживает арифметической критики»⁴⁹.

Что это за новый вид критики, не очень понятно. По-видимому, авторы имеют в виду их собственный расчет длины похода, который они определили в 700 км.⁵⁰ Разумеется, это намного дальше, чем харьковско-чугуевский регион. Более чем на 200 км. И это, если считать, что начальным пунктом похода был Киев. Если же отмерять путь от Переяславля, как это делают авторы комментариев, то придется прибавить еще около 100 км. В таком случае, окажется, что князья ходили не на Дон (Северский Донец), а в глубинный степной регион, отстоящий от предполагаемого почти на 300 км. При этом, аргумент для удлинения пути похода более чем странный. Авторам кажется невероятным, чтобы «от Ворсклы до Дона (Северского Донца в районе Изюмского кургана) Мономах 13 дней плелся со скоростью 16 км в день». И тут же приводят пример казачьих маршей в XX в., которые равнялись 70 верстам⁵¹.

Но, во-первых, древнерусская практика не знала таких скоростных походных маршей, а, во-вторых, в летописи нигде не сказано, что полки от Ворсклы до Дона совершали ежедневные переходы. Там только отмечено, когда они достигли конечного пункта. А ведь продвигались они по чужой территории и определенно останавливались не только на ночевки.

По существу, даже «арифметическая критика» не помогла авторам изменить традиционную локализацию названных выше городов. Утверждения «где-то» или «намного дальше» ничего не проясняют. Необходима их поддержка археологическими данными. Такими, которые имеются в Северско-Донецком лесостепном и степном порубежье. Здесь оседлая, в том числе и городская, жизнь прослеживается с хазарских времен (Салтовский археоло-

---

49 *Повесть временных лет*. Комментарии, 376.

50 *Повесть временных лет*. Комментарии, 375.

51 *Повесть временных лет*. Комментарии, 376.

гический комплекс). К древнерусскому времени в этом районе относятся Донецкое городище, городища у с. Маяки, а также у с. Гайдары. Последнее, известное в литературе как Змиев Курган, отождествлялось исследователями с половецкими городами Балин и Шарукань⁵². Кроме названных, на правом берегу Северского Донца, там, где в него впадает речка Оскол, известно еще несколько позднесредневековых городищ.

Разумеется, при определении местонахождения городов Шаруканя, Сугрова и Балина нельзя абстрагироваться и от летописных свидетельств. Их всего два, и оба согласно свидетельствуют, что эти центры находились на «Дону» и недалеко один от другого. Первый — наша статья 1111 г. Второй (еще более показательный) — статья 1116 г.: «в се же лѣто посла Володимеръ сѣна своего Иррополка а Двѣдъ сѣна своего Всеволода . на Донъ и взаша три грады . Сугровъ . Шаруканъ . Балинь»⁵³. Отцы послали сыновей по маршруту, по которому пятью годами ранее они ходили вместе.

Как показывает опыт, слишком сложное объяснение чего-то всегда неправильное. Если мы предположим в фразе о поднесении руским даров под Шаруканем элементарную описку переписчика или вообще опустим это хронологическое уточнение, тогда никаких изощренных объяснений, меняющих содержательную канву рассказа, не потребуется. Описка же могла произойти оттого, что несколькими строками раньше речь шла и о «неделе». На Дон князья вышли «въ . с̄ . недѣль поста . и поидоша к Донови въ вторникъ».

Хронология похода очень хорошо выверяется и посредством обратного отсчета чисел от Пасхального воскресенья. В 1111 г. оно было 2 апреля. Учтывая, что в марте месяце 31 день, понедельник Страстной недели действительно приходился в тот год на 27 марта.

Можно определенно сказать, что с такой степенью детализации в летописи не описан ни один другой поход на половцев. Особое внимание к нему может быть объяснено его впечатляющими результатами. Половцам было нанесено сокрушительное поражение. Причем не в русских пределах, что случалось неоднократно, но в Половецкой степи. Слава о нем, как утверждает летописец, дошла не только до сопредельных с Русью стран, но и дальних: «и ко всимъ странамъ далнимъ рекуше къ Грекомъ . и Оугромъ и Лахомъ . и Чехомъ . дондеже и до Рима проиде»⁵⁴.

Видимо, именно эта победа дала основание автору посмертного панегирика Владимиру Мономаху заявить, что «егоже слухъ произиде . по всимъ странамъ . наипаче же бѣ страшень . поганымъ»⁵⁵. Дальним эхом она отозвалась и во введении к *Галицко-Волынской летописи*. Сравнивая Романа

52 Плетнева С.А. *Половецкая земля. Древнерусские княжества X–XIII вв.* М., 1975, 270–271.

53 *ПСРЛ* 2: 284.

54 *ПСРЛ* 2: 273.

55 *ПСРЛ* 2: 289.

Мстиславича с его знаменитым прадедом Владимиром Мономахом, летописец записал: «ревноваше бо дѣдоу своему Мономахоу . погубившему поганьѣа Измалтаны . рекомьѣа Половци [...] тогда Володимерь Мономахъ . пиль золото^м шоломомъ Донь . и приемшю землю ихъ всю . загнавшю wканьѣа Агаранъ»⁵⁶.

О справедливости этих слов свидетельствует тот непреложный факт, что половцы, после похода русских дружин в 1111 г. не смели тревожить южнорусские пределы до самой смерти Владимира Мономаха. В этом его огромное историческое значение и не случайно память о нем жила еще и в начале XIII в.

Інститут археології НАН України

---

56 ПСРЛ 2: 716.